

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 21.05.21 № 20-П: отдельные комментарии с позиции баланса интересов контролирующих должника лиц и кредиторов

Волынец Анна Ивановна

Адвокат, руководитель проектов адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург»

Колодкина Татьяна Александровна

Юрист адвокатского бюро «Прайм Эдвайс Санкт-Петербург»

В настоящей статье рассматривается позиция Конституционного Суда Российской Федерации по вопросу применения субсидиарной ответственности, предусмотренной пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08.02.98 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»; также затронуты вопросы обратной силы положений указанной статьи.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц, контролирующие должника лица, Конституционный Суд Российской Федерации.

Привлечение к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц на практике вызывает много материальных и процессуальных вопросов, дискуссии по которым далеки от завершения. Распределение бремени доказывания и представление необходимых и достаточных доказательств зачастую вызывают затруднения у участвующих в процессе лиц.

В этой связи особого внимания заслуживает правовая позиция, сформулированная в постановлении Конституционного Суда Российской Федерации (далее — КС РФ) от 21.05.21 № 20-П «По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона „Об обществах с ограниченной ответственностью“ в связи с жалобой гражданки Г. В. Карпук» (далее — постановление № 20-П).

Любопытно, что год назад КС РФ отказал в принятии к рассмотрению в целом аналогичной жалобы, указав в абзацах втором — четвертом пункта 2 определения от 26.03.20 № 630-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Мухачевой Натальи Михайловны на нарушение ее конституционных прав пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона „Об обществах с ограниченной ответственностью“» следующее.

В соответствии с пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона от 08.02.98 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее — Закон об ООО) исключение общества из Единого государственного реестра юридических лиц (далее — ЕГРЮЛ) в порядке, установленном федеральным законом о

государственной регистрации юридических лиц для недействующих юридических лиц, влечет последствия, предусмотренные Гражданским кодексом Российской Федерации (далее — ГК РФ) для отказа основного должника от исполнения обязательства; в данном случае, если неисполнение обязательств общества (в том числе вследствие причинения вреда) обусловлено тем, что лица, указанные в пунктах 1–3 статьи 53.1 ГК РФ, действовали недобросовестно или неразумно, по заявлению кредитора на таких лиц может быть возложена субсидиарная ответственность по обязательствам этого общества.

Данное законоположение, направленное в том числе на защиту имущественных прав и интересов кредиторов общества и учитывающее разумность и добросовестность действий лица, уполномоченного выступать от имени юридического лица, членов коллегиальных органов юридического лица и лиц, определяющих действия юридического лица, при рассмотрении вопроса о привлечении их к субсидиарной ответственности, не может расцениваться как нарушающее конституционные права заявительницы.

Установление же и оценка фактических обстоятельств конкретного дела, а также проверка правильности применения оспариваемой нормы с учетом данных обстоятельств к компетенции КС РФ не относятся.

Отметим, что подобного рода изменение позиции КС РФ не является исключительным. Например, КС РФ несколько раз отказывал в принятии к рассмотрению жалоб по вопросу конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее — АПК РФ) (определения от 06.10.08 № 738-О-О и от 25.06.19 № 1717-О). Однако в последующем данный вопрос был рассмотрен КС РФ в постановлении от 22.07.21 № 40-П «По делу о проверке конституционности статьи 183 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Арбитражного суда Республики Татарстан и жалобой гражданина В. В. Сторублевцева».

В пункте 1.4 указанного постановления КС РФ, упомянув свои предыдущие отказные определения, пояснил возможность изменения своей позиции следующим образом: «В то же время Конституционный Суд Российской Федерации правомочен оценивать наличие или отсутствие неопределенности в вопросе о конституционности оспариваемых норм (часть вторая статьи 36 Федерального конституционного закона „О Конституционном Суде Российской Федерации“) с учетом динамики общественных отношений и их правового регулирования, имея в виду необходимость повышения уровня обеспечения и защиты прав и свобод граждан»¹.

¹ Исследование вопроса о том, насколько КС РФ считает себя связанным своими предшествующими решениями, см.: Белов С. А. Принцип stare decisis и jurisprudence constant в практике Конституционного Суда Российской Федерации // Журнал

конституционного правосудия. 2021. № 6 (84). С. 10–19. В результате анализа практики КС РФ автор приходит к выводу, что суд не признает собственной связанности своими единичными предшествующими решениями.

В пункте 1 резолютивной части постановления № 20-П отражен общий вывод: пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО, который позволяет возложить ответственность по долгам исключенного в административном порядке из ЕГРЮЛ общества-должника на его контролирующих лиц, только если неисполнение обязательств общества было обусловлено неразумными или недобросовестными действиями таких контролирующих лиц, не противоречит Конституции Российской Федерации.

В пункте 1 резолютивной части постановления № 20-П отражен общий вывод: пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО не противоречит Конституции Российской Федерации

Поскольку по общему правилу на заявителе (истце) лежит бремя доказывания обстоятельств, на которые он ссылается, именно заявитель должен доказать, что неисполнение обязательств было следствием неразумных/недобросовестных действий контролирующих лиц.

Доказать это крайне сложно, что подтверждается практикой судов по подобным спорам и на что обратила внимание заявительница. Как было указано в жалобе, проблема состоит в том, что положения пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО по смыслу, придаваемому ему правоприменительной практикой, позволяют контролирующим лицам избегать привлечения к субсидиарной ответственности в нарушение права кредитора на судебную защиту (последний абзац пункта 1.1 мотивировочной части постановления № 20-П).

В частности, арбитражные суды достаточно единообразно отказывали в привлечении к субсидиарной ответственности по пункту 3.1 статьи 3 Закона об ООО, ссылаясь на недоказанность того, что неисполнение обязательств было следствием неразумных/недобросовестных действий контролирующих должника лиц.

В судебных актах по таким спорам получил широкое распространение тезис о том, что само по себе исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в результате действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с положениями, закрепленными в пункте 3.1 статьи 3 Закона об ООО (*постановления Арбитражного суда Северо-Западного округа от 15.03.21 по делу № А56-23303/2020 и от 09.03.21 по делу № А05-2467/2020, Арбитражного суда Московского округа от 26.02.21 по делу № А41-32797/2020,*

определение Верховного Суда Российской Федерации (далее — ВС РФ) от 17.09.20 № 307-ЭС20-11903).

Подробно этот тезис проиллюстрирован в *определении ВС РФ от 25.08.20 № 307-ЭС20-180*, в котором сделан общий вывод: «*При разрешении такого рода споров истец должен доказать, что невозможность погашения долга перед ним возникла по вине ответчика в результате его неразумных либо недобросовестных действий*».

Правда, нельзя не отметить, что 16.02.21 появилось *определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ № 12-КГ20-9-К6, 2-3044/2019*, в котором был задан вектор на защиту заявителя-гражданина. ВС РФ указал, что поскольку к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц применяются общие положения о деликтах (глава 59 ГК РФ, пункт 2 постановления Пленума ВС РФ от 21.12.17 № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»), то с учетом презумпции вины ответчик — контролирующее должника лицо — должен доказать добросовестность и разумность своих действий, приведших к невыполнению контролируемым им обществом обязательств, а значит, по мнению суда, — опровергнуть недобросовестность или неразумность своих действий².

² Оговоримся, что смешение добросовестности и вины достаточно дискуссионно и относится к коллизиям гражданского права, однако обсуждение этого вопроса выходит за рамки настоящей статьи.

КС РФ фактически поддержал происходящие в практике судов изменения и доводы подательницы конституционной жалобы. Поэтому в пункте 1 резолютивной части постановления № 20-П также указано, что при применении пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО суды обязаны *учитывать его конституционно-правовой смысл*, который состоит в *опровержимой презумпции* того, что «именно бездействие [контролирующих должника лиц] привело к невозможности исполнения обязательств перед истцом — кредитором общества, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное», однако при условии:

(1) если таким кредитором является физическое лицо, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности, и

(2) если на момент исключения общества из ЕГРЮЛ соответствующие исковые требования кредитора удовлетворены судом.

Иначе говоря, КС РФ решил проблему доказывания неразумности/недобросовестности действий контролирующих должника лиц путем перераспределения бремени доказывания в делах по искам кредиторов-потребителей.

Отвлекаясь от дискуссионности данной позиции, можно обратить внимание на следующую совокупность аргументов КС РФ.

В частности, в последнем абзаце пункта 3 мотивировочной части постановления № 20-П КС РФ подчеркнул, что он «неоднократно обращал внимание на недобросовестность предшествующего исключению юридического лица из ЕГРЮЛ поведения тех граждан, которые уклонились от совершения необходимых действий по прекращению юридического лица в предусмотренных законом процедурах ликвидации или банкротства, и указывал, что такое поведение может также означать уклонение от исполнения обязательств перед кредиторами юридического лица (определения от 13.03.18 № 580-О, 581-О и 582-О, от 29.09.20 № 2128-О и др.)».

КС РФ решил проблему доказывания
неразумности/недобросовестности действий
контролирующих должника лиц путем
перераспределения бремени доказывания в делах
по искам кредиторов-потребителей

После этого в абзацах первом и втором пункта 3.2 постановления № 20-П КС РФ признал, что «доказывание кредитором неразумности и недобросовестности действий лиц, контролировавших исключенное из реестра недействующее юридическое лицо, объективно затруднено. Кредитор, как правило, лишен доступа к документам, содержащим сведения о хозяйственной деятельности общества, и не имеет иных источников сведений о деятельности юридического лица и контролирующих его лиц. Соответственно, предъявление к истцу-кредитору (особенно когда им выступает физическое лицо — потребитель, хотя и не ограничиваясь лишь этим случаем) требований, связанных с доказыванием обусловленности причиненного вреда поведением контролировавших должника лиц, заведомо влечет неравенство процессуальных возможностей истца и ответчика, так как от истца требуется предоставление доказательств, о самом наличии которых ему может быть неизвестно в силу его невовлеченности в корпоративные правоотношения».

Правда, если воспринимать изложенную выше логику КС РФ буквально, придется признать, что само исключение из ЕГРЮЛ недействующего юридического лица в административном порядке по умолчанию недопустимо, так как является следствием недобросовестного поведения. Однако данный вывод абсурден, поскольку противоречит тому, что подобная процедура прямо предусмотрена законом.

Вероятно, чтобы избежать такого крайнего толкования, КС РФ не случайно оговорился, что «контролировавшее лицо может дать пояснения относительно причин исключения общества из этого реестра и представить доказательства

правомерности своего поведения. В случае отказа от дачи пояснений (в том числе при неявке в суд) или их явной неполноты, непредставления ответчиком суду соответствующей документации бремя доказывания правомерности действий контролировавших общество лиц и отсутствия причинно-следственной связи между указанными действиями и невозможностью исполнения обязательств перед кредиторами возлагается судом на ответчика» (абзац третий пункта 3.2 мотивировочной части постановления № 20-П).

Следовательно, перераспределение бремени доказывания осуществляется только в случае, если контролирующее должника лицо не сотрудничает и, проще говоря, как раз пользуется тем, что внешний кредитор не располагает необходимой информацией ввиду неучастия в корпоративных отношениях. Следовательно, недобросовестным по умолчанию считается не само по себе исключение из ЕГРЮЛ, а окружающий данный факт информационный вакуум, который является следствием бездействия контролирующего должника лица.

Учет этого позволяет смотреть на правовую позицию КС РФ в конструктивном ключе и видеть пример применения запрета извлекать преимущества из недобросовестного поведения, в чем бы такие преимущества ни заключались (пункт 4 статьи 1 ГК РФ).

Такой вывод имеет практическое значение с учетом следующего. Предмет рассмотрения КС РФ был достаточно узким. Речь шла только о случаях, когда требование к ликвидированному должнику обладает физическое лицо (1), требование этого физического лица возникло не в связи с его предпринимательской деятельностью (2) и при этом такое требование подтверждено решением суда на дату ликвидации должника (3).

На правовую позицию КС РФ возможно смотреть в конструктивном ключе и видеть в ней пример применения запрета извлекать преимущества из недобросовестного поведения, в чем бы такие преимущества ни заключались

Помимо рассмотренного КС РФ случая, частыми примерами подобных потребительских требований можно назвать требования работников о выплате пособий/зарплаты, различного рода компенсаций. Применительно к таким ситуациям позиция КС РФ представляется сбалансированной и соответствует общему принципу защиты прав граждан-потребителей как более слабой стороны в правоотношениях с предпринимателями.

Иначе говоря, заявителем жалобы было физическое лицо — потребитель, в связи с чем предмет рассмотрения КС РФ был ограничен материалами дела и предметом жалобы. Как следствие, позиция КС РФ, сформулированная в

постановлении № 20-П, формально не является обязательной к применению в делах по искам кредиторов — юридических лиц/предпринимателей.

Вместе с тем возникает закономерный вопрос: а действительно ли это так? Вопрос не беспочвенный, если учесть двусмысленную оговорку КС РФ в абзаце четвертом пункта 4 мотивировочной части постановления № 20-П о том, что «сделанный в настоящем постановлении Конституционного Суда Российской Федерации вывод, связанный с предметом рассмотрения по данному делу, сам по себе не может рассматриваться как исключающий применение такого же подхода к распределению бремени доказывания в случаях, когда кредитором выступает иной субъект, нежели физическое лицо, обязательство общества перед которым возникло не в связи с осуществлением кредитором предпринимательской деятельности. Во всяком случае, федеральный законодатель не лишен возможности внести в нормативное регулирование субсидиарной ответственности лиц, контролировавших юридическое лицо, исключенное из Единого государственного реестра юридических лиц (в административном порядке), изменения с учетом правовых позиций, выраженных в настоящем постановлении».

Соответственно, можно ожидать, что кредиторы — юридические лица будут пытаться убедить суды в том, что аргументация, аналогичная предложенной КС РФ, может быть использована для перераспределения бремени доказывания и в спорах по искам кредиторов — юридических лиц.

Смысл оговорки и пределы ее толкования обсуждаются в настоящее время профессиональным сообществом³. Не исключена и нейтральная позиция, согласно которой такой оговоркой КС РФ просто акцентировал внимание на том, что им рассматривался узкий случай перераспределения бремени доказывания, а иные случаи КС РФ не рассматривались и выводы применительно к ним не формулировались.

³ См., например: https://zakon.ru/blog/2021/05/28/kak_tolkovat_%C2%A0ogovorku_%C2%A0v_postanovlenii_ks_rf_po_delu_o_proverke_konstitucionnosti_p_31_st_3_fz_ob_o.

Вместе с тем, если смотреть на позицию КС РФ через призму запрета на извлечение преимуществ из недобросовестного поведения (пункт 4 статьи 1 ГК РФ), то как минимум не исключена интерпретационная аналогия.

В заключение можно отметить, что возникает самостоятельный вопрос об обратной силе разъяснений КС РФ.

Пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО был введен менее пяти лет назад (Федеральным законом от 28.12.16 № 488-ФЗ, который вступил в силу с 30 июля 2017 года).

Немногочисленная судебная практика по данному вопросу остается противоречивой.

Встречается позиция, согласно которой эта норма не может применяться к ранее возникшим правоотношениям и кредиторы, чьи требования возникли до вступления в силу Федерального закона № 488-ФЗ, не могут использовать механизм защиты, предусмотренный пунктом 3.1 статьи 3 Закона об ООО.

... Например, в постановлении Арбитражного суда Московского округа от 01.04.21 по делу № А40-168720/2019 указано: «...пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО действует с 30.07.17. Из материалов дела следует, что договор займа между истцом и ООО... заключен 03.07.15, срок возврата займа также наступил в 2015 году, то есть спорные правоотношения сторон складывались до вступления в силу положений пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО. Таким образом, норма, предусматривающая субсидиарную ответственность руководителя общества по его обязательствам перед кредиторами, не может применяться к ранее возникшим правоотношениям».

... Аналогичный подход можно найти в определении Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 01.02.21 по делу № 88-1453/2021: «В данном случае, как верно отметили суды, спорные правоотношения сторон возникли вследствие неисполнения ООО... обязательств по договору поставки... Таким образом, правоотношения сторон возникли до введения в действие пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО и, поскольку на момент возникновения спорного правоотношения указанная норма не действовала, ответчик не может быть привлечен к субсидиарной ответственности по долгам общества по указанному истцом основанию».

Вместе с тем, на наш взгляд, возможность воспользоваться механизмом, предусмотренным пунктом 3.1 статьи 3 Закона об ООО, должна быть предоставлена и кредитору, чьи требования подтверждены решением суда, вынесенным до вступления в силу пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО, если само общество было исключено из ЕГРЮЛ уже после вступления в силу данной нормы.

На наш взгляд, новый механизм пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО должен быть доступен и для кредитора с требованиями, возникшими до вступления в силу такой нормы. Важно только, чтобы само общество не было исключено из ЕГРЮЛ до вступления в силу данной нормы

Такой подход соответствует идее справедливости и баланса интересов, а также находит поддержку в судебной практике.

... В частности, в постановлении Арбитражного суда Северо-Западного округа от 14.10.19 по делу № А05-13104/2018 указано следующее: «...о взыскании в субсидиарном порядке денежных средств в сумме 1 530 246 рублей 84 копеек, взысканных решением Арбитражного суда Архангельской области от 14.01.16 по делу № А05-13422/2015. <...> В данном случае запись об исключении общества из ЕГРЮЛ внесена регистрирующим органом после 28.06.17. Компания как кредитор недействующего юридического лица получила право на иск к субсидиарному ответчику о привлечении его к имущественной ответственности».

... Равным образом в определении ВС РФ от 14.06.19 № 305-ЭС19-8011 содержится следующая оговорка: «Процедура ликвидации общества с ограниченной ответственностью... которая, по мнению истца, привела к возникновению у него убытков, была начата и окончилась ранее указанной даты. Поскольку данные изменения в корпоративном законодательстве не имеют обратной силы, их действие не распространяется на спорные правоотношения».
